

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-13

Юрченко Е. А.

**Социальные связи: духовное родство и феномен доверия
в социологических исследованиях Гвидо Альфани**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов переулок, д. 6, стр. 1,
г. Москва, 127051, Россия; yakorshi@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор исследований крестного родства, реализованных под руководством историка и социолога Гвидо Альфани. Автор рассматривает практику крестного родительства как феномен духовно-социальной сети, формирующей основу экономики городов в Италии. Несмотря на то, что институт восприемничества берет свое начало в дохристианский период, крещение серьезно изменяет как духовные, так и социальные отношения в исторической Европе. Одним из последствий распространения крестного родительства становится расширение социального доверия между профессиональными и словесными группами. Такой духовно-социальный институт позволяет выстраивать систему доверительных отношений, которые помогают поддерживать стабильную связь между разными социальными стратами, и является по сути механизмом социальной интеграции, благоприятной для развития торговли. Г. Альфани рассматривает разные исторические периоды: становление христианства, раскол церквей, Средние века Западной церкви, Реформацию, время Тридентского собора, Новое время. В каждом периоде он описывает разные типы крестного родства, которые зависели от различных социальных факторов: церковных реформ, революций и изменений социальных норм.

Ключевые слова: крестное родительство; Тридентский собор; социальные связи; сетевые механизмы; реципрокация; доверие; кумовство

Для цитирования: Юрченко Е. А. Социальные связи: духовное родство и феномен доверия в социологических исследованиях Гвидо Альфани // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 4. С. 136-145. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-13

E. A. Yurchenko

Social Ties: Spiritual Kinship and the Phenomenon of Trust in the Sociological Studies of Guido Alfani

St. Tikhon's Orthodox University, 6/1 Likhov Ln., Moscow, 127051, Russia; yakorshi@mail.ru

Abstract: This article provides an overview of the research on cross kinship carried out under the direction of the historian and sociologist Guido Alfani. The author examines the concept of godparenthood as a phenomenon of the spiritual-social network that shaped the urban economy in Italy. Despite the fact that the institution of reception has its origins in the pre-Christian period, its baptism seriously altered both spiritual and social relations in historical Europe. One of the consequences of the spread of godparenting has been the expansion of social trust between professional and class groups. Such a spiritual-social institution makes it possible to build a system of trusting relationships that help maintain a stable bond between different social strata, and is essentially a mechanism of social integration conducive to the development of commerce. Guido Alfani looks at different historical periods: the formation of Christianity, the schism of the churches, the Western Church in the Middle Ages, the Reformation, the Council of Trent, the New Age. In each period he describes different types of cross kinship, which depended on various social factors: church reforms, revolutions, and changes in social norms.

Keywords: godparenthood; Council of Trent; social connections; network mechanisms; reciprocation; the trust; nepotism

For citation: Yurchenko E. A. (2022), "Social Ties: Spiritual Kinship and the Phenomenon of Trust in the Sociological Studies of Guido Alfani", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (4), 136-145, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-13

Введение

Цель данного обзора – проанализировать исследовательский метод Г. Альфани, а также изложить основные положения результатов его исследований сети крестного родства в Италии. Автор применяет принципы демографического анализа, используя реестры крещения (*i libri di ricordanze/ i libri di famiglia*), детально прорабатывает личные данные жителей в небольших городках Италии. Используя сведения о датах крещения ребенка и о биологических и духовных родителях, он стремится установить связи между крестниками и всем городом, поэтому привлекает материалы о роде деятельности крестных родителей, датах свадеб, смертей и пр.

В этом обзоре рассматриваются следующие тексты: монография Альфани

«Отцы и Крестные: духовное родство в раннее Новое время в Италии» (Alfani, 2009), статья Гвидо Альфани в соавторстве с Винсентом Гурдоном «Предприниматели, формализация социальной связи и феномен доверия в Европе (от XIV в. до XX в.)» (Alfani, Gourdon, 2012: 1005–1028), статья Альфани «Реформация, Тридентский собор и формирование духовного родства и родительства по всей Европе: лонгитюдный анализ» в сборнике «История семьи и домохозяйств» (2015) под редакцией Сильвии Сович, Пэт Тейн и Пьерпаоло Виачцо.

Итальянский социолог и демограф Гвидо Альфани родился в 1976 г. Исследователь получил образование и степень по экономике и социальной истории в университете Боккони (*L'Università Commerciale*

Luigi Bocconi)¹. Сразу после окончания обучения Альфани начинает преподавать социологическую историю и демографию. Научная карьера Альфани активно развивается начиная с 2002 г.: его приглашают в Париж научным сотрудником Высшей школы социальных исследований; в 2006 г. Альфани становится научным сотрудником Университета Глазго. Начиная с 2010 г. Альфани приглашают как специалиста по исторической демографии к участию в исследованиях Кембриджской группы по истории населения и социальной структуры с исследовательским грантом от Wellcome Trust (Великобритания).

В 2011 году Альфани получает грант ERC Starting Research Grant для исследования экономического неравенства в Италии и Европе. В рамках этого проекта совместно с Винсентом Гурдоном он становится основателем и организатором международных научных сетей «Patrinus» по изучению экономического неравенства². Основными задачами исследовательского проекта были объединение исследователей из разных гуманитарных областей для того, чтобы разобраться в феномене и социальном механизме крестного родства и развития этого механизма в Европе; оценка влияния на экономическую жизнь общества сети крестных отношений. Интерес исследователей состоял в том, чтобы проследить историю крестного родства с первых веков христианства до Нового времени. Им было важно показать, что в разные периоды регулирования института крестного родства по-разному отражалось на обществе – в связи с этим исследователи изучают крестное родство до и после Тридентского собора.

Основная часть

В современном обществе социология взаимодействий выделяет межличностные связи, благодаря которым выстраиваются различные формы коммуникации среди лю-

дей. Связи бывают сильные, слабые и отсутствующие (см.: Грановеттер, 2020: 32–33). Согласно этой теории, люди, которые не принадлежат к сетям сильных или слабых связей, не вписываются в доверительные отношения. Например, в группу сильных связей входят кровные и близкие друзья, а к типу слабых связей можно отнести знакомых или коллег по работе (см.: Грановеттер, 2020: 37–38). Однако существует особый тип связей, который формируется через обряд Крещения. Он основывается на институте крестного родительства или восприимчивости, который имеет корни, отсылающие не только к первым векам христианства, но и глубже, к архаическому обществу.

Институт крестных родителей как тип связей интерпретируется через фиктивно-родственную связь, которая формирует следующие качества: ответственность, духовные ценности, доверие, взаимопомощь и дарообмен. Человек становится христианином, потому что через Таинство крещения он входит в лоно Церкви. Социальная значимость обряда как феномена христианской духовной семьи в контексте общества в целом, обычно опускается, люди воспринимают этот процесс как само собой разумеющийся в становлении христианина (Alfani, 2004: 137–138). Интерес к этой теме отображается в различных европейских исследовательских проектах, которые занимаются изучением крестного родства с исторической, антропологической, социологической точки зрения и в парадигме сетевого анализа. В рамках церковной истории и медиевистики примерами служат исследования Джозефа Линча (Lynch, 1986, 1998), Уильяма Костера (Coster, 2002), Луиса Хааса (Haas, 1995). Авторы анализируют процесс формирования института крестного родства в различные исторические периоды и в разных государствах и об-

¹ Alfani, G. [Электронный ресурс] URL: <https://didattica.unibocconi.it/mypage/index.php?IdUte=49642&idr=&lingua=ita> (дата обращения: 07.01.2022).

² Alfani, G. Ifamid [Электронный ресурс] URL: <https://ifamid.com/team/> (дата обращения: 07.01.2022).

щества, поскольку многое в обряде крещения и выборе духовных родителей зависело от локальных особенностей проведения обряда.

В середине XX в. латиноамериканскими антропологами Сидни Уилфредом Минцем (Sidney Wilfred Mintz (1922-2015)), Эриком Робертом Вольфом (Eric Robert Wolf (1923-1999)) и рядом других исследователей был определен новый тип родства, который по отношению к биологическому родству является фиктивным, – это духовное родство. Благодаря их исследованиям в 50-х гг. XX в. поднимается интерес к данной теме, который остается высоким и сегодня. За последние десять лет интерес к теме духовного родства по сравнению с предыдущими годами увеличился.

Альфани предлагает взять за точку отсчета даты Тридентского собора³ и посмотреть, каким образом решения Собора повлияли на развитие крестной семьи в Италии. Автор делит время на два периода: до Тридентского собора – с 70-х гг. XV в. вплоть до 1545 г.; время после – с 1562 г. до 1699 г. Он отмечает, что реформы в системе крестных отношений влияют на экономические и социальные изменения, а также изменяется выбор крестных родителей. Альфани методологически фиксирует различные индикаторы, например, тот, что пол ребенка напрямую определял количество и социальный статус крестных родителей, их род деятельности и возраст.

Основная задача Альфани в исследовании заключается в реконструкции системы духовного родства и понимании механизма работы этого феномена в христианском мире. Основной гипотезой исследования является предположение, что сеть крестного родительства формирует доверие и слабые связи в обществе. Согласно исследованию Альфани, крестное родство всегда позволяет осуществлять экономическую и

финансовую деятельность. Однако до Тридентского собора духовное родство формировало гибкое общество, в котором не было явной иерархичности, тогда как после изменения правил о количестве крестных общество трансформируется и вертикализируется.

Альфани выстраивает ретроспективу крестного родства, для того чтобы показать, что духовные отношения в христианстве прошли длинный путь трансформации. В первых веках христианства существует институт катехумената, который формирует особые правила для людей, желающих принять христианство (Alfani, 2004: 137–138). Основным особым *правилом* в античном христианстве было то, что принятие Таинства Крещения происходит только во взрослом возрасте при обязательном наличии одного или двух свидетелей/поручителей крещения. Эти люди выполняли роль наставников, помогали новокрещенному человеку в христианском становлении. Альфани пишет, что наличие свидетелей – это некая древняя институализированная форма, которая со временем проникла в христианство (Alfani, 2009: 13–15). Впоследствии формируется понятие духовного инцеста, которое берет свое начало в Восточной Церкви, а Западная Церковь через некоторое время перенимает эту установку (Alfani, 2015: 144). Понятие было сформировано из-за особых духовных отношений – крестного родства *отец-мать-ребенок*. В Восточной церкви в 530 г. зафиксирован первый запрет на брак из-за духовного инцеста; в Западной церкви идея духовного инцеста возникает в середине VII в., поэтому Альфани прослеживает в этом факте влияние Восточной церкви (Alfani, 2015: 145).

Крестные родители – это ответственные перед Богом за ребенка, они обеспечивают воспитание и становление в христианской вере, а также вхождение ребенка в

³ Тридентский Собор собирався в Римско-католической церкви по инициативе Папы Павла III 13 декабря 1545 года в Тренте, закрытие состоялось 4 декабря 1563 года. Этот Собор можно назвать ответом

на деятельность Реформации, например, по вопросу крестных семей, которые были пересмотрены реформаторами.

Церковь. Духовное родство через Таинство Крещения освобождает новорожденного от первородного греха, поэтому именно через духовное рождение с духовными родителями младенец получает новую безгрешную жизнь. В Церкви новому члену Церкви дают имя, и он занимает свое место в «группе родства» («the kinship group»). В этом есть аллюзия на естественные/биологические родственные отношения. Однако духовные связи обеспечивают ряд «новых» связей, которые накладывают новые социальные функции на нового члена Церкви и его духовных родителей.

Блж. Августин – первый автор, который фиксирует крещение *младенцев*. Согласно его тексту, крещение младенцев является нормой во времена жизни Августина, хотя еще век назад это вызывало ряд теологических и богословских проблем. Основной проблемой являлось то, что младенцы не могут самостоятельно произнести ритуализированную крещальную формулу, которую должен произнести крещающийся человек. Вероятно, именно в этот момент первоначальные свидетели при крещаемом ребенке принимают статус крестных родителей, которые произносят требуемые от младенца слова и берут духовные обязательства за младенца (Alfani, 2015: 144).

В 1054 г. происходит разделение Западной и Восточной Церквей. В Римско-католической церкви в период средних веков количество крестных родителей у одного младенца увеличилось (Alfani, 2015: 146–147). Крестное родство создавало особую систему доверия, которая создавала и увеличивала социальные и экономические отношения. Доверие является свидетельством и гарантом порядочности. Феномен духовного родства позволяет сформировать доверительные сети, в случае потери доверия человек выпадает из этой сети духовных отношений⁴. До Тридентского собора крестных родителей у одного ребенка могло

быть большое количество, хотя не ясно, чем обуславливалась такая практика. Понятнее, например, «швабский кейс», в котором духовное родство играло важную экономическую роль. Есть селение, в котором есть «крестный-посредник» («mediators»), выполняющий роль экономически активного члена сообщества. Он занимается продажей недвижимости и устраивает разные торговые дела. Для жителей селения выгодно иметь подобного «посредника» в статусе духовного родственника (Alfani, 2009: 63). Вторым примером является греческий остров, на котором крестьяне-земледельцы являются крестными родителями у детей пастухов. Альфани подчеркивает, что землевладельцы выше по своему социальному статусу, чем пастухи, и в таком союзе они играют главную роль. Но это тоже экономически обусловленное сотрудничество: крестьяне дарят пастухам хлеб, а пастухи приводят кого-то из животных. Этот пример показывает механизм реципрокации в деревенском сообществе (Alfani, 2009: 64).

Для епископов, собравшихся на Тридентском соборе, этот вопрос был актуален, так как Лютер говорил о необходимости отменить духовное родство и вернуться к первоначальному христианскому крещению без крестных отношений. По его мнению, все христиане являются духовными братьями и сестрами во Христе, поэтому и выстраивать выгодные крестные отношения являются неправильным для христианина. Необходимо было дать ответ на выпад Лютера. Но в ходе рассмотрения «выясняется», что многие действительно ищут крестных, исходя из различных собственных целей – власть, подарки от крестных, влиятельные связи и т. д. Благодаря Реформации происходит теологическое, терминологическое и социально-экономическое переосмысление обряда Крещения в Римско-католической Церкви (Alfani, 2016: 143–145).

⁴ Например, если человек, который выпал из сети доверия, является нотариусом, то к нему никто из жителей не будет обращаться за помощью в ведении документов и т. п.

Для реконструкции крестного родства после Тридентского собора Альфани использует архивные материалы Иверии за 1543–1599 гг. Он сравнивает данные регистрации браков, реестры крещения, налоговые документы, нотариальные акты и т. п., подчеркивая, что местная аристократия регулярно принимала участие в обрядах крещения. Это важно потому, что до Тридентского собора, в 1535–1536 гг., когда реформа еще не была применена, крестные всегда были различны по-своему социальному положению. Однако начиная с 1592 года⁵ крестные чаще всего – нотариусы и юристы (Alfani, 2009: 167), что прослеживается по реестрам крещений.

Альфани пишет, что сегодня влияние крестного родства присутствует символически (*symbolic power*) (Alfani, 2009: 1), но не работает так, как раньше, хотя и сейчас крестные родители в момент наречения имени вводят ребенка в социальную и церковную жизнь. Рассматривая термины духовного родства у историка Джона Босси, Альфани замечает, что крестные отношения выстраиваются на архаичной форме, то есть эти и подобные фиктивные отношения родства существовали еще в древнее время, но впоследствии христианизировались (Alfani, 2009: 119). Их характерной чертой являлось укрепление сообщества и общественных связей. Механизм духовного родства осуществляется только через ритуальную защиту и формирует особый тип социальных связей, который базируется на доверии (Alfani, Gourdon, 2012: 1009). Таким образом можно было привлечь большое количество крестных в «родственников» – это было похоже на заключение договора у нотариуса.

Эпоха Тридентского собора трансформирует не только механизм взаимодействия сети духовного родства, но и терминологию этих отношений. Первый термин взаимоотношений между крестными – это

«*compari*». Однако использование этого термина проблематично, так как в разных частях Италии, он будет иметь разное значение, и порою оно не подразумевает крестные отношения. Взаимодействие между крестным отцом и крестной матерью («*comare (comater)*») осуществляется через «*comparatico*» (равнозначные отношения «*symmetrical relationship*») (Alfani, 2016: 148–150). После Тридентского собора формируются новые именованья крестных родителей. Например, «*comare*» после Тридентского собора в некоторых примерах означает не просто «крестную мать», а повитуху/акушерку, которую иногда приписывали к крестным. Часто регистрация младенца происходила таким образом: крестный отец, крестная мать и повитуха – тем самым количество крестных было равно не двум, а трем. Проблематичность в том, что смена терминов в реестрах крещения не позволяет установить точное количество крестных того периода, так как, если крестной обязательно была повитуха, то значит, крестных было три, а если она «автоматически» после принятия родов вписывается в реестр, но не принимает участия в обряде крещения, то это невозможно установить по терминам (Alfani, 2009: 196).

До Тридентского собора духовная семья (*a spiritual family*) имела огромные «сети», она заключала духовный договор о взаимопомощи, и ее члены становились «духовными родственниками», объединенными фиктивными семейными отношениями, которые закреплялись духовным договором (*a contract spiritual*) в Церкви во время Таинства Крещения. Эта связь показывала особую защищенность этой сети, так как все ее члены находятся в тесном сообществе, в основе которого лежит принцип доверия, и всё это закрепляется в Церкви через обряд крещения. Однако после реформ, принятых на Тридентском соборе, привычная сеть крестного родства в

⁵ Альфани приводит составленную им на основании документов о крещении таблицу, в которой демонстрирует рейтинг крестных отцов (Alfani, 2009: 167).

обществе постепенно разрушается. Хотя задачей реформ не было ослабление или изменение этой сети, вероятно, большинство участников собора не подозревали о том, какое смятение они произведут в духовной общине христиан (см.: Alfani, 2004: 139). Собранными епископами было учреждено: уменьшить количество крестных родителей, оставить только двоих крестных родителей, и тем самым ограничить количество «духовных инцестов» (Alfani, 2009: 81); аннулировать четвертую степень кровного родства, и тем самым уменьшить количество духовного родства (см.: Alfani, 2009: 86); сутью крестного родителя отныне стало обязанность отвечать за христианское воспитание ребенка (см.: Alfani, 2009: 89).

В итальянском городе Ивреа, в котором подобная реформа постепенно применялась, к 1586 г. количество крестных родителей сводится к двум⁶. Такой долгий процесс трансформации количества воспитанников связан с тем, что на местах были крепки местные обычаи и реформирование не могло пройти быстро. Важно отметить, что не по всей католической Европе происходило подобное, многое зависело от местной светской власти и взаимодействия с ней клириков (см.: Alfani, 2009: 91–93, 99–100). Из-за модернизации «духовных» отношений и трансформирования выбора крестного многие общины в период после Тридентского собора чувствуют себя «обделенными». Огромная сеть «духовного родства» прерывается и минимизируется, что формирует новую модель социальных отношений, которая является для людей непривычной и чужой (см.: Alfani, 2009: 116). Из-за нововведения теряется связь со «знатными крестными». Поэтому на социальном уровне происходит сильное разделение

между слоями общества (см.: Alfani, 2009: 121).

В реестрах крещения до реформы и после автор отмечает, что крестных можно было поделить на следующие категории, которые располагаются по вертикали: «sengnears» – это крестные из аристократии, знати, светские влиятельные люди, иногда в реестрах есть подробное указание титулования. Вторая группа – это masters, обладатели ремесленнических навыков или члены гильдии – люди, которые могли обеспечить крестнику вхождение в их общество или чему-то его обучить. Третья группа – это клирики («reverendus» / «venerabilis»). После Тридентского собора они все реже встречаются в записях о крещениях. Четвертая группа – это «низшие классы». Встречается подобный тип крестных и у детей из знатных семей, потому что они были включены в связь духовного родства (см.: Alfani, 2009: 121). Тем самым, подчеркивает автор, общество было более мобильным в своих социальных связях и коммуникациях. Крещальная реформа постепенно «разрушила» духовное родство, и сделала общество более «законсервированным». Постоянно подчеркивается, что Крещение выступает как гарант надежности и возможности взаимодействий между различными членами общества (см.: Alfani, 2009: 124). После «модернизации» духовные связи идут на спад, рушится система установления контактов.

Роль крестных родителей была действительно значимой в обществе, они могли предложить поддержку в различных сложных ситуациях: смерть родителей, ученичество или ремесленное обучение и т. п. Автор задается вопросом, в какой момент выбирались крестные родители – до или после рождения младенца (см.: Alfani, 2005: 35–36). В некоторых ситуациях,

сохраняется количество крестных матерей, но падает количество крестных отцов. В Вогере записи в реестре крестных, вероятнее всего, были не точными и их количество не регулировалось.

⁶ В разных итальянских городах эта реформа работала по-разному. В Гамбеллара ситуация складывается таким образом, количество крестных отцов остается на той же позиции, но снижается количество крестных матерей. В Турине к 1572 г. наоборот

например, ожидали мальчика, а родилась девочка, и если крестные были найдены как раз для мальчика, не ясно, что делали в этом случае. Если ребенок умирал после нескольких дней жизни, «назначение» влиятельных крестных теряло смысл (см.: Alfani, 2006: 25). Основную роль в процессе выбора крестного играли родители. Приоритет выстраивался от первенцев мальчиков – к первенцам девочкам. У мальчиков крестные родители всегда были более влиятельными, чем у крещаемых девочек. Вероятно, это мотивировалось тем, что мальчики занимали активную социальную позицию, в отличие от девочек, и они могли больше «контактировать» с крестными родителями.

Средний возраст, когда молодой человек становится первым раз крестным отцом, наступал с 18 до 22 лет, это показывало возраст совершеннолетия человека (см.: Alfani, 2009: 168). Но обзор всех документов, на основании которых автор делает свои выводы, позволил обнаружить интересный факт: в какой-то момент «популярные» крестные отцы не так часто участвуют в обряде, вместо них приходят их жены или дочери. Эти тенденции были и до Тридентского собора, однако к 1590 г. количество подобных крестных родителей увеличивается (см.: Alfani, 2003: 840). Возможно, крестные отцы потеряли интерес к этому социальному и религиозному действию, и их миссию продолжают члены их семьи, включая жен и дочерей. Хотя в некоторых регионах (Альфани не уточняет, в каких), до Тридентского собора социальный закон не позволял женщинам быть крестными. Период женского присутствия в духовном родстве начинается в 1581–1600 гг. Их

вступление в «крестную семью» приходилось на возраст 17–22 лет. Вероятно, когда крестной матерью становилась незамужняя девушка, это означало ее переход во взрослую и публичную жизнь. Подобным актом она могла «привлечь» к себе женихов (некий акт «смотрин» (см.: Alfani, 2006: 23–25)), или женщина становилась крестной матерью в первые месяцы после замужества, что отображало ее новый публичный статус. Может быть, участие замужней женщины в обряде Крещения связано с тем, насколько ее муж был вовлечен в карьерный рост как духовного родителя (Alfani, 2009: 175–178)⁷. Альфани описывает антропологическую гипотезу – принцип реципрокации, который определяет систему даров, получаемых при обряде Крещения. Людям, находившимся на более низкой экономической ступени, привлечение знатного крестного обеспечивало ряд материальных благ для них, а для крестного родителя было важно иметь статус крестного, который дает возможность иметь социальное доверие в городе (см.: Alfani, 2009: 183–184).

После Тридентского собора социальная сеть крестного родства видоизменяется. Если до реформы она была горизонтальной, то через несколько десятилетий становится вертикальной. Под вертикализацией крестного родства автор понимает то, что после реформы количество крестных сокращается, уменьшается размер сети духовного родства, и выходит, что каждое общество замыкается на себе. Крестное родство переходит в установку доверительных отношений со своими клиентами, партнерами или друзьями (см.: Alfani, 2009: 188). Именно в период Нового времени крестное родство – это социальная сеть, обеспечивающая защиту бизнеса и социальную поддержку, так

⁷ Альфани приводит в пример подобных отношений семью дворянина Томмазо Альберти (the nobile messer). Его жена и дочери активно участвуют в Таинстве крещения в качестве крестных матерей. Сам Томмазо работает аптекарем, у него хороший доход, но он не включен в «список» знатных людей этого города. Его карьера крестного отца продолжается около 22 лет, дальше его дело продолжают его жена

и дочери. В этом кейсе есть недостающие фрагменты, например, неизвестно, в каком возрасте жена Томмазо начинается свою карьеру крестной матери. На основании реестров крещения видно, что после того, как ее муж перестал принимать участие в крещении, она еще продолжает карьеру крестной в течение пяти лет. Вероятно, карьера крестной матери давала женщине определенную социальную свободу.

как в случае нарушения духовного договора нарушитель выпадает из сети доверия (см.: Alfani, Gourdon, 2012: 1009). Также в этот период члены гильдии выбирают крестных родителей в своем сообществе, нотариусы выбирают крестных из нотариусов и т. п. Несмотря на то, что Лютер и другие деятели реформации пытаются нивелировать сеть крестного родства, она нигде не исчезает, а лишь трансформируется. Развитие крестных отношений в системе бизнеса было важно для сети доверительного предпринимательства, которое необходимо для накопления капитала (см.: Alfani, Gourdon, 2012: 1016–1017). В этом случае крестное родство является одним из способов установить ритуальные отношения для того, чтобы было сформировано доверие в партнерстве. Эта тенденция способствует тому, что люди начинают выбирать крестного из своих родственников (см.: Alfani, Gourdon, 2012: 1018). Крестное родство перестает играть форму социальной поддержки, она становится узкой и недоступной для тех, кто не входит в семью или профессиональную группу (см.: Alfani, Gourdon, 2012: 1018–1020).

Заключение

Система духовного родства существовала в древний период и сохранялась до Нового времени, и даже реформированные системы крестных отношений сохраняют эти автохтонные черты. Сети крестного родства существовали в гибкой форме социального взаимодействия, где все зависит от целей и желаний духовной семьи. Таким образом, крестное родство, которое исследует Альфани, является примером слабой сети и формой реципрокации. На институт духовного родства оказали большое влияние реформы Тридентского собора. Именно новые рекомендации по количеству крестных во время Таинства Крещения повлияли на экономические и социальные изменения в Италии. Реконструкция института духовного родства позволяет сделать предположение, что сеть крестного родительства формирует доверие и слабые сети

в обществе, а также позволяет осуществлять экономическую и финансовую деятельность. До Тридентского собора крестное родство формировало гибкое общество, в котором не было явной вертикализации. Сеть крестных отношений была широкой, под категорию крестных родителей попадали разные слои населения. Подобная традиция выбора крестных родителей обеспечивала развитие экономики, поддержку людей в трудных ситуациях, устанавливала новые связи для работы, карьерного роста и формировала принцип доверительных отношений.

Эта сеть основывалась на ритуальном закреплении духовного родства, большое количество людей являлось поручителями конкретного человека, и он находился в сети доверия, а нарушение договоренности выбрасывало человека из сети доверительных и духовных отношений. Огромное значение имела «символическая власть» крестных родителей как поручителей перед Богом за младенца, которые дают ребенку имя и вводят его в общество.

После Тридентского собора формируется новый тип сети духовных отношений. Ритуализация постепенно перестает играть значимую роль и перестает быть основной формой создания общности, поэтому духовное родство трансформируется в новый тип вертикальных связей.

Литература

- Грановеттер, М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. 2020. № 4. С. 31-50.
- Alfani, G. Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy. Routledge, 2009. 273 p.
- Alfani, G. The History of families and households // Comparative european dimensions. Vol. 6. Ed.: Sovic S., Thane P., Viazzo P. 2015. 273 p.
- Alfani, G. La famille spirituelle des prêtres en Italie septentrionale avant et après le Concile de Trente: caractéristiques et transformations d'un instrument d'intégration sociale // Les Annales de Démographie Historique. 2004/1. № 107. Pp. 137-161.

Alfani, G. The Reformation, the Council of Trent and the Divergence of Spiritual Kinship and Godparenthood across Europe: A Long-run Analysis. *The History of Families and Households: Comparative European Dimensions. Central and Eastern Europe*. 2016. Vol. 6. Pp. 142–167.

Alfani, G. E pluribus unum: forme di padri-naggio nell'Italia moderna a cavallo del Concilio di Trento // *Quaderni storici*. 2003. № 3. Pp. 823–848.

Alfani, G., Gourdon, V. Entrepreneurs, formalization of social ties, and trustbuilding in Europe (fourteenth to twentieth centuries) // *Economic History Review*. 2021. № 65. Pp. 1005–1028.

Alfani, G., Les réseaux de marrainage en Italie du Nord du XVe au XVIIe siècle: coutumes, évolution, parcours individuels. *Histoire, économie & société* Année 2006. Pp. 17–44.

Alfani, G. Mobilità “matrimoniale” e mobilità “spirituale”. L’integrazione territoriale per affinità e parentela spirituale nel basso Canavese tra Cinquecento e Seicento’, *popolazione e storia*. 2005. №. 2. Pp. 33–46

Coster, W. *Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England*. Aldershot: Ashgate, 2002. 352 p.

Haas, L. Il Mio Buono Compare: Choosing Godparents and the Uses of Baptismal Kinship in Renaissance Florence // *Journal of Social History*. 1995. № 29. Pp. 341–356.

Lynch, J.H. *Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo-Saxon England*. Ithaca, 1998. 272 p.

Lynch, J.H. *Godparents and kinship in early medieval Europe*. Princeton, 1986. 314 p.

References

Alfani, G. (2009), *Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy*. Routledge.

Alfani, G. (2015), “The History of families and households”, *Comparative european dimensions*, 6, in Sovic, S., Thane, P., Viazso, P. (ed.).

Alfani, G. (2004) “The spiritual family of priests in northern Italy before and after the Council of Trent: characteristics and transformations of an instrument of social integration”, *Les Annales de Démographie Historique* [Annals of Historical Demography], 1 (107), 137–161 (in French).

Alfani, G. (2016), “The Reformation, the Council of Trent and the Divergence of Spiritual Kinship and Godparenthood across Europe: A Long-run Analysis. The History of Families and Households: Comparative European Dimensions”, *Central and Eastern Europe*, 6, 142–167.

Alfani, G. (2003), “E pluribus unum: forms of godparenthood in modern Italy at the turn of the Council of Trent”, *Quaderni storici* [Historical notebooks] 3, 823–848 (in Ital.).

Alfani, G., Gourdon, V. (2021), “Entrepreneurs, formalization of social ties, and trustbuilding in Europe (fourteenth to twentieth centuries)”, *Economic History Review*, 65, 1005–1028.

Alfani, G. (2006), “Sponsorship networks in northern Italy from the 15th to the 17th century: customs, evolution, individual paths”, *Histoire, économie & société* [History, economy & society], Year 2006, 17–44. (in French).

Alfani, G. (2005), “Marital” mobility and “spiritual” mobility. Territorial integration by affinity and spiritual kinship in the lower Canavese between the sixteenth and seventeenth centuries”, *Popolazione e storia* [Population and history], 2, 33–46 (in Ital.).

Coster, W. (2002), *Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England*, Ashgate, Aldershot, GB.

Granovetter, M.S. (2020), “The Strength of Weak Ties”, *Economic sociology*, 4, 31–50 (in Russ.).

Haas, L. (1995), “Il Mio Buono Compare: Choosing Godparents and the Uses of Baptismal Kinship in Renaissance Florence”, *Journal of Social History*, 29, 341–356.

Lynch, J.H. (1998), *Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo-Saxon England*, Ithaca, NY.

Lynch, J.H. (1986), *Godparents and kinship in early medieval Europe*, Princeton, NJ.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Юрченко Екатерина Александровна, лаборант, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов переулок, д. 6, г. Москва, 127051, Россия; yakorshi@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina A. Yurchenko, Laboratory Assistant, St. Tikhon’s Orthodox University, Likhov Ln., 6, Moscow, Russia, 127051; yakorshi@mail.ru